

ЖИВУ ДВАЖДЫ

В подвалах Ульяновского КГБ

– Леонид Николаевич, вы рассказывали о том, как удалось случайно снять аварию на заводе. Но ведь в советское время такие снимки нельзя было публиковать – на производстве в СССР “не случалось” аварий. А кадр с развязавшимся шнурком Гагарина?! Как часто вы переживали конфликт художника с цензурой? Хотя бы внутренний?

– Была саморедактура, и было чувство опасности. Мы понимали, что можно снимать, что – нет. Тем более в самом начале творческого пути мне это хорошо разъяснили. И, кстати, в Ульяновске. Побывал я тогда в подвалах КГБ на улице Льва Толстого. Эта история описана в рассказе “Мост на ту сторону”. Я тогда здорово испугался. Мог сломать всю жизнь – отправился бы лес валить, и не о чем было бы писать рассказы.

– Дайте, пожалуйста, совет начинающим фотографам. Многие из них думают: сейчас такая техника, что и учиться не надо, – нажать на кнопку, и компьютер сделает за тебя шедевр. Согласны?

– Знаете, есть шкала ценностей. В их понятии это, наверное, шедевр. Но с исторической точки зрения... Пройдет время, и никому это не будет интересно, даже тому, кто снимал. Про себя скажу – все те фотографии, которые стали моим лицом, проверены годами. Такие снимки не могут быть свежее изготовления. Они должны отлежаться, должно прийти понимание ценности этой работы. И я в своем возрасте уже сделал вывод – все лучшее в своей жизни уже снял.

Любой фотограф, если он мечтает выставиться, без школы, без знания композиционных приемов ничего не добьется. Не бывает, чтобы человек от рождения все умел. Можно обладать задатками рисования, нарисовать лошадь. Но создать рисунок, который обладал бы художественной ценностью... Надо иметь образова-

ние. Фирма “Кодак” когда-то провозгласила: “Достаточно нажать на кнопку, остальное мы сделаем за вас”. Но они подразумевали техническую сторону дела.

Мэтр признается, что следит за прогрессом. И не совсем понимает “старых” фотографов, принципиально снимающих лейками и не признающих нынешние технологии. Техника идет вперед, и этим нельзя не пользоваться. А люди, которые однажды нашли успешный рецепт и очень боятся уйти в сторону, по убеждению Лазарева, множат то, что уже сделано, и останавливаются.

– Хотя дело даже не в этом. Можно цифрой наснимать то, что не будет иметь никакой ценности, хотя технически будет безупречно. И, наоборот, снять на пленку, пройти весь путь проявки, печати – и получить шедевр. Суть не в технике, а в том, что вложено в снимок.

Пленочная фотография уже отживает себя, потому в этом бизнесе страдает качество – в мастерских плохо проявляют пленки: нет запросов, незачем стараться. Единственное, что всегда ценится и остается на уровне, – качество печати. Поэтому я всегда советую фотографам – печатайте свои снимки. И не 13 на 18, а 30 на 40. Да, вы заплатите 50 рэ за кадр, но, глядя на отпечатанные снимки, вы сможете понять, чего стоите: создали шедевр или просто были влюблены в модель, что проходяще.

– А вам кого проще снимать: людей, которых хорошо знаете? Или, наоборот, это “знание” мешает, и проще работать с неизвестным человеком – с чистым листом?

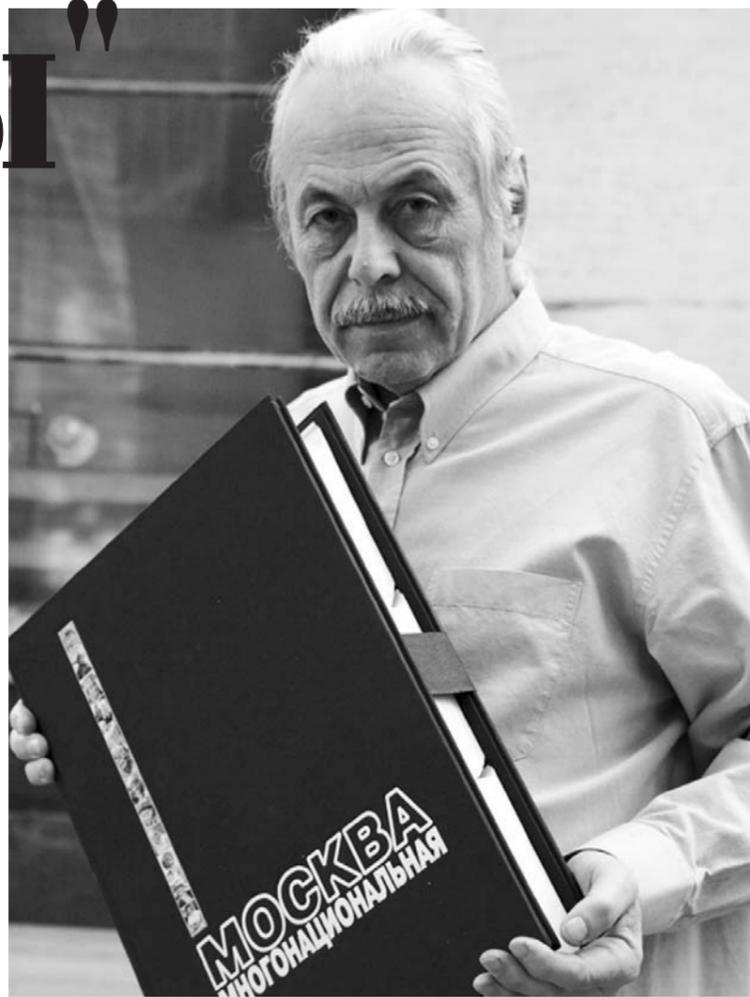
– Слово снимать идет от задачи. Бывает задача нерешимая. Вот, например, в этой обстановке снять Ирину (Леонид Николаевич пришел к нам в редакцию в сопровождении доцента кафедры истории УлГУ Ирины Зубовой). Это невозможно. Потому что она пришла сюда из другого мира, обстановка не соответствует тому, как она выглядит. Ее нужно поместить в свою среду. А вы здесь свой человек – возможно, что-то и получилось бы. У фотографов есть такое понятие “выставочная работа”. Если в течение года работы у фотографа получилось две выставочные

фотографии – год прошел успешно. В рецепте успешного фото очень много ингредиентов. В том числе и личность фотографа. Среди моих учителей был художник-маринист Даниил Яковлевич Черкес. Он говорил: “Леня, я вас не зову с моим сыном-оболтусом постоянно ходить в музей, не дойдете. Но вот идете мимо – зайдите в один зальчик на пятнадцать минут. И так каждый раз. Результат будет”. Надо формировать свой внутренний мир.

Термос Утёсова

Леониду Николаевичу позировали те, для которых нынешнее привычное слово “звезда” как-то мелковато. Легенды! Какие они – когда безоружны перед объективом, кто капризен, кто скромен? Лазарев с легким скептицизмом сетует, что “звезда – это совсем необязательно умный человек”. О диагнозе “звездная болезнь” фотограф знает больше любого психотерапевта, работающего с небожителями. Но в большинстве случаев ему удалось найти свой ключ к модели.

– Однажды я оценил терпение всеми любимого певца Утёсова. В 1954-м году передо мной стояла задача сделать о нем материал. Снимал на репетиции в Эрмитаже, но никак не мог поймать настроение, мешали люди. Леонид Осипович это почувствовал, спрашивает: “Что-то не так? Приезжай ко мне домой”. Я еду к нему на Садовое кольцо, в квартире огромные комнаты, никого нет, нам никто не мешает. Но я сделал одну ошибку – не снял с плеча кофр и этим кофром, пытаясь в процессе съемки, опрокинул американский рубиновый термос. Тот разлетелся на мелкие кусочки! Я в ужасе, а Утёсов только: “Ничего, ничего, продолжай”. Но мне говорили, что он – патологической жадности человек, и я понимал, чего ему стоит сдерживаться. Я рассердился, но не только из-за термоса – с этим происшествием было разбито мое чувство очень осторожного обращения с героем. Уходя, я сказал: “Вы знаете, я

никогда не делаю фотографий на память, но для вас будет исключение – вы получите весь отснятый материал”. Когда я пришел в следующий раз со снимками, Утёсов был не очень доволен: чувствовалось, не может простить мне термос. Но когда я разложил перед ним фото, оттаял, стал разглядывать, восклицая: “Как тебе удалось?”.

...Как-то был у Танича. Старался как мог, но во мне не было одного – чувства щенячьего восторга перед “гением”. А Танич это очень любил. Прихожу в редакцию, начальство спрашивает: “Лёнь, ты что натворил?! Только что звонил Танич, ругался: “Кого вы МНЕ прислали?”. Слава богу, все знали характер композитора, и мне тогда не влетело.

Только один человек – драматург Александр Гельман смог раскрыть механизм моего отношения к делу. Я

обратился к нему с просьбой, чтобы он написал предисловие к одной из моих книг. Гельман согласился. И идеально описал мою психологию и мое душевное состояние в момент съемки. Когда съемка не получается, я собранный, жесткий человек. Я думаю о форме, а не о том, кто передо мной. Но как только идея, решение найдены, я становлюсь добрым и мягким. Большинство людей, с которыми я работал, видели меня в первой фазе. И звезды не понимали этого моего состояния поиска – они думали, что в любой позе гениальны и прекрасны. Но я люблю женщину могу сделать крокодилом и наоборот, а любого мужчину – умным или глупым.

Вопрос только, что я “вытяну” из человека?

Беседовала Ольга НИКОЛАЕВА.

Мост на ту сторону

Леонид ЛАЗАРЕВ

Я стою на мусорной урне, балансируя, гляжу в камеру. Передо мной огромный мост через Волгу. Меня немножко пошатывает, и я пытаюсь держать равновесие, несколько раз нажимаю на спуск затвора.

– Это шпион! Товарищи! Товарищи! Сюда! Шпион!

Несколько человек окружили меня. Обернувшись, я начинаю терять равновесие и пытаюсь не упасть.

– О, как извивается! Улизнуть хочет! Хватаем его!

Крепкие руки стащили меня с урны, сорвали аппаратуру. Подъехал “воронка”, и я оказался в окружении людей, которые суетились вокруг меня совершенно молча.

Автомобиль остановился около здания с колоннами. Через несколько секунд я оказался в небольшой комнатке с лампочкой и скамейкой.

– Аппаратура, пленка?

– Здесь, в кофре. Этот аппарат с черно-белой, а вот с цветной.

– Цветной подождет.

Сколько сидел – не знаю. Мне хотелось спать, потом мне не хотелось спать... потом опять хотелось спать...

Лязнула дверь. Блеснула металлом лампочка. Из дверного проема я услышал:

– Встать. За мной.

Мы вошли в огромную темноватую комнату. В середине стоял стул.

– Сесть.

Я повиновался. Передо мной оказался большой, длинный, накрытый каким-то темным материалом стол, за которым сидело человек десять в штатском. Справа, на торце, замыкал президиум человек в генеральской форме.

– Кто? Зачем?

Мне задавали одни и те же вопросы по многу раз. Общего языка не получалось. Я чувствовал предельную явность. Во мне пытались разглядеть шпиона. Ситуация казалась абсурдной и даже смешной, и я эту мысль произнес вслух.

– Ну что же вы меня называете шпионом, мне еще только двадцать лет. Я только-только...

– Шпионы бывают разные... Признавайтесь. Зачем вы снимали в ту сторону?

– Это красиво: мост, прекрасная погода.

– Зачем встали на урну?

– Композиция требовала, а кидать окурки можно в другую урну.

– Он еще и шутит! – вставил стоящий рядом лейтенант.

То, что происходило, разговором не назовешь, да и ощущение времени как-то стерлось.

Я повторял одно и то же: “снимал”, “мне нравится”, “красиво”.

Атмосфера сгущалась. Президиум стал совещаться. Близилась развязка.

Неожиданно я вспомнил улыбочное лицо моего наставника Кирика Владимировича Орлова, главного художника издания, на которое я работал. Вспомнил его напутственные слова:

– Ленечка! Начинаем работать... Навести родителей. Немного отдохни. Недельки две, не более, – при этом он улыбнулся по-отечески и добавил:

– Ты ведь едешь на Волгу. Василий Захарченко как главный редактор подписал бумагу, чтобы оказывали тебе всяческое содействие в съемке. Снимай, Леня, все.

Придешь – разберемся. Как наяву, я снова услышал эти слова. Вскопив со стула, я выпалил:

– Что вы, на самом деле! Препятствуете выполнить задание! Мне поручили!

Стало тихо. Несколько секунд вся группа белым глазом смотрела на меня.

– Я снимаю для Брюсселя, для газеты “Спутник”, для Всемирной выставки. На многих языках. Вот бумага – моя правая рука опустилась во внутренний карман куртки.

Люди напряглись.

– Брюссель... Иностранец? Почему не обыскали?

Молниеносное движение со стороны лейтенанта, и бумага на бланке газеты “Спутник”, выходящей в советском павильоне Всемирной выставки, оказалась в руках председательствующего.

Листок немного дрожал в его руках. Участники допроса образовали группу вокруг бумаги. Задние вытягивали шеи, пытались одновременно прочесть загадочный документ... Взгляды снова устремились на меня...

Кто-то тронул меня за плечо. Очнувшись, я увидел перед собой лейтенанта:

– Ну, фотограф, пойдем.

– Цветную пленку проявили? – поинтересовался я.

Лейтенант внимательно посмотрел на меня, но ничего не сказал.

Солнечный свет ударил в глаза, цвета переливались и вспыхивали яркими звездочками, было больно смотреть. Я глупо улыбался. Смятение чувств переросло в ощущение надежды.

Те далекие дни оказались для меня чрезвычайно плодотворными. Родились кадры, неоднократно опубликованные. Именно этими изображениями я обратил на себя внимание Лидии Павловны Дыко, автора книг по фотокомпозиции и моего будущего преподавателя во ВГИКе.

Спустя несколько десятилетий, случайно увидел на телевизионном экране информацию о городе, в котором начиналась моя профессиональная судьба. Оказывается, в тех местах находился завод, принимавший участие в создании атомной бомбы.

Дымовая труба этого завода не вошла в мои композиции – видимо, была недостаточной красивой.

За две секунды до ареста. 1958 год.